

Ю.А. ВИНОГРАДОВ

КУРГАН У СЕЛА БАКСЫ В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

Среди боспорских курганов немало таких, которые, с одной стороны, можно признать общеизвестными в силу их частых упоминаний в научной и популярной литературе, а, с другой, – малоизвестными по причине очень слабой изученности [Виноградов, 2011а]. В ряду последних с уверенностью можно назвать курган, расположенный рядом с селом Баксы под Керчью (ныне Глазовка). Надо сразу отметить, что место для его сооружения было выбрано очень удачно и, конечно, не случайно – с вершины кургана открывается прекрасный вид на пролив и азиатскую часть Боспора. Соответственно, со стороны современной паромной переправы с таманской стороны на крымскую этот курган, лежащий между двумя грядами холмов, воспринимается как некий ориентир, как знак, указывающий направление движения внутрь территории европейского Боспора, к его столице.

Курган, стоящий уединенно у села Баксы (рис. 1), раскапывался замечательным российским ученым Н.П. Кондаковым в 1882 и 1883 гг. [ОАК, 1882-1888, с. IV-VIII, XXX-XXXI]. Склеп в нём был открыт в 1882 г. [ОАК, 1882-1888, с. IV-VIII], раскопки следующего года особых результатов не дали [ОАК, 1882-1888, с. XXX-XXXI]. Автор раскопок называл этот курган «громadным», и действительно его насыпь выглядела тогда весьма впечатляющей: диаметр – более 85 м, окружность основания – почти 190 м, высота – 10,60 м. Его высота, конечно, значительно уступает Царскому кургану, достигавшему 17 м [Гайдукевич, 1949, с. 248; Gajdukevič, 1971, S. 272], и ещё в большей степени Золотому, имевшему, как представляется, самую грандиозную насыпь среди всех керченских курганов (за исключением Кара-Обы), изначально составлявшую порядка 21 м [Виноградов, 2007, с. 6; 2010а, с. 471]. Тем не менее, параметры Баксинского кургана вполне подходят под категорию царского [Мозолевский, 1979, с. 152, табл. 4; 156-157]. В.С. Ольховский, считавший этот курган скифским, отмечал, что в Крыму среди скифских памятников самыми крупными являются насыпи знаменитой Куль-Обы и кургана у с. Баксы [Ольховский, 1991, с. 145]. В правильности этнической интерпретации памятника этим автором возникают немалые сомнения, в остальном же он, конечно, был прав.

Одной из причин того, что этот курган не получил должной оценки среди исследователей боспорских древностей, на мой взгляд, являются недостатки публикации его материалов. И дело здесь не только в том, что сделанные в кургане находки до сих

пор полностью не введены в научный оборот, но и в том, что отчёт Н.П. Кондакова о раскопках приведён в «Отчёте Императорской археологической комиссии» за 1883 г. в сильно сокращённом виде. В нем скомканы или даже вообще упущены весьма существенные детали, без которых правильное понимание данного комплекса, конечно, сильно затруднено. По этой причине, воспроизводя в дальнейшем основные положения отчёта, опубликованного в ОАКе, особое внимание будем обращать на материалы об этих раскопках, хранящиеся в Рукописном архиве Института истории материальной культуры РАН, т.е. на рукописный отчёт Н.П. Кондакова [Ф. 1, 1882, д. 19, л. 13-15, 19 сл.].

Весьма внушительная по размерам насыпь Баксинского кургана имела совсем непростую структуру¹. Подобно насыпи Золотого кургана, она почти вся состояла из камня, при этом южная и западная части представляли собой природную скалу с каменными подсыпками, а северная и восточная, в основном, состояли из камней с незначительными грунтовыми прослойками. В высшей степени любопытно, что камни наваливались сюда не бессистемно, а по продуманной методике. Насыпь была укреплена шестью стенами, огибавшими эту часть кургана вокруг центра; стены были сложены из не крупного дикарного камня [ОАК, 1882-1888, с. IV]. Эти шесть стен заслуживают самого серьёзного внимания.

Можно считать, что сооружение кургана происходило в несколько приемов. Сначала был возведен склеп, затем он был присыпан грунтом, поверх которого был навален слой камней, и эта конструкция укреплена обводной каменной стеной, повторявшей очертания первой насыпи. Затем опять были насыпаны камни, и опять возведена обводная стена; в общем, таких стен здесь, как уже говорилось, было сооружено шесть. В отчёте Н.П. Кондакова сказано, что стены не были вертикальными, а имели вид «полукуполов, замыкавших завалы» [Ф. 1, 1882 г., д. 19, л. 13] или «полукупольных ограждений» [Там же, л. 20-21]. В принципе, эту часть курганной насыпи можно уподобить «русской матрёшке», в которой был скрыт склеп. Надо сразу признать, что подобная структура насыпи не зафиксирована ни в одном из других боспорских курганов, и в этом отношении курган у села Баксы уникален. Ясно, что насыпь сооружалась очень тщательно, можно сказать, старательно, что, естественно, требовало очень большого труда. Одно это уже заставляет полагать, что курган был возведён для погребения весьма высокопоставленной персоны. Показательно, что в его насыпи были обнаружены обломки краснофигурного кратера (рис. 3), который Н.П. Кондаков связывал с тризной и обращал внимание на «небывалые размеры» сосуда, имевшего 1 аршин (71.12 см) в диаметре [Ф. 1, 1882 г., д. 19, л. 14], подробнее о

¹ Н.П. Кондаков большое внимание уделял огромной яме, вырытой в западной поле кургана. Он, в частности, отмечал отсутствие рядом с ней земляного выкида, обычного для грабительских раскопов. Исследователь высказал предположение, что в данном месте добывался камень [Ф. 1, 1882 г., д. 19, л. 13, но ср. л. 20]. Как потом выяснилось, эта яма находилась всего в двух метрах от склепа, но не затрагивала его [Там же, л. 21].

нем будет сказано ниже. С тризнами следует связывать и амфорные клейма, найденные в насыпи кургана (рис. 4, 1–5).

Каменный склеп находился в северо-западной части кургана. Он имел уступчатое перекрытие или, как его называли в XIX в., «египетский свод» (рис. 2). С запада в склеп первоначально вёл дромос, оказавшийся по каким-то причинам разобранным. От него сохранились лишь кладки стен высотой до 1,50 м, при сооружении которых были использованы рустованные блоки. Сам склеп был заглублён в материк почти на 1 м; его размеры составляли приблизительно $4,16 \times 3,55$ м (14,55 кв. м) при высоте 5,35 м. Первоначально длина склепа, как представляется, была несколько больше, поскольку западная его стена изнутри, снизу до верху была обложена дополнительной, грубо исполненной кладкой, при этом камни для неё, возможно, были взяты из разрушенного дромоса, во всяком случае, здесь тоже имелись рустованные блоки. Н.П. Кондаков признавал особую значимость этой кладки для понимания истории склепа [Ф.1, 1882 г., д. 19, л. 15], но своей точки зрения никак не пояснял. Не придали этому особого значения и другие исследователи, лишь Н.И. Сокольский заметил, что дромос и одна стена склепа были разобраны по той причине, что слишком большой саркофаг невозможно было внести в погребальную камеру [Сокольский, 1969, с. 40]. К сожалению, о размерах дромоса и входа в погребальную камеру нам ничего не известно. Тем не менее, предположение Н.И. Сокольского может быть справедливым только в отношении дромоса, поскольку в отчёте ничего не говорится о разобранный стене. Напротив, из него явствует, что западная стена получила дополнительную обкладку, вероятнее всего, из камней, взятых из стен дромоса.

Стены склепа были сложены из хорошо отесанных и плотно подогнанных друг к другу блоков местного известняка. Свод имел восемь выступов на продольных стенах и пять на поперечных. Плиты перекрытия выступали над нижележащими приблизительно на 13 см, их высота в среднем составляла 35 см. Пол склепа был вымощен каменными плитами и засыпан толстым слоем древесных опилок. По типу склеп Баксинского кургана следует относить к прямоугольному с перекрытием свода с четырех сторон, который Е.А. Савостина признает довольно ранним [Савостина, 1984, с. 9; 1986, с. 96].

По замечанию исследователя кургана, общий вид внутреннего пространства склепа позволял считать, что он не был ограблен [ОАК, 1882-1888, с. V]. Основное пространство здесь занимал большой деревянный саркофаг, который на момент обнаружения оказался упавшим. Он отличался массивностью и, как сказано в ОАКе, «грубостью отделки» [ОАК, 1882-1888, с. V]. Странно, но Н.П. Кондаков никогда его так не называл; в отчёте он писал об «изящно разделанном» громадном саркофаге [Ф. 1, 1882 г., д. 19, л. 15]. Действительно, саркофаг имел обильную и разнообразную орнаментацию: стенки были украшены меандрами и овами, точеными столбиками, багетами, а также костяными и янтарными вставками в форме пуговиц, зигзагов и ов. Шляпки деревянных гвоздей, расположенных по нижним поперечным брускам, были покрыты «золотой мишурой»; шляпки множества бронзовых гвоздей,

скреплявших доски саркофага, тоже были позолочены. Ножки саркофага были выточены из массивных кусков дерева и профилированы в виде баз колонн. В склепе были найдены даже деревянные маленькие колеса, на которых, как полагал автор раскопок, саркофаг был ввезён в склеп. Н.И. Сокольский, относивший баксинский саркофаг к группе саркофагов IV – начала III вв. до н.э., посчитал, что эти маленькие колесики являются шарнирами от крышки [Сокольский, 1969, с. 40, № 31].

Странно, но в тексте, опубликованном в ОАКе, по каким-то причинам упущена одна любопытнейшая деталь его украшения. Н.П. Кондаков писал, что «на акротерии фронтона лицевой стороны находилось символическое изображение египетского солнечного крылатого диска из раскрашенной фанерки» [Ф. 1, 1882 г., д. 19, л. 22]. На эту фразу в отчете Н.П. Кондакова обратили внимание лишь некоторые исследователи, но и они не придали ей особого значения [Сокольский, 1969, с. 40, прим. 196; Vulina, Waşowicz, 1974, p. 87]. Между тем, следует признать, что это изображение является уникальным для боспорских саркофагов. Изображение крылатого солнечного диска по своему происхождению действительно связано с Древним Египтом [Луркер, 1998, с. 89-90], но для времени классической Греции оно, скорее всего, свидетельствует о другом направлении культурных связей. Имеется в виду Персия, где крылатый солнечный диск, заимствованный персами у ассирийцев, вошел в символику верховного божества Ахуры Мазды [см.: Толстой, Кондаков, 1889, с. 64; История Древнего Востока, 2004, с. 662 сл.; Луконин, 1987, с. 85-86, 96; Herzfeld, 1941, p. 254-155, fig. 359-360, pl. LXIV].

От скелета усопшего сохранилось всего три сустава от пальцев и несколько фрагментов черепа, которые были найдены не в саркофаге, а в дромосе, за закладной стеной погребальной камеры. Это обстоятельство Н.П. Кондаков признал весьма важным и загадочным [ОАК, 1882-1888, с. VI]. Необходимо отметить, что таковым оно остаётся до сих пор.

Из погребального инвентаря в саркофаге среди густых слоев опилок был найден бронзовый стригиль с фигурной ручкой, по мнению исследователя, «позднего античного, римского стиля» [ОАК, 1882-1888, с. VI]. Здесь же был обнаружен большой железный меч с эфесом, обтянутым золотым листом, на котором был оттиснут грубый узор². Тут же находились четыре подобным образом украшенные пуговицы, принадлежавшие, очевидно, поясу или перевязи меча. В саркофаг были положены также два деревянных посоха (трости), ручки которых имели художественное оформление. Верхняя часть одного из этих посохов, изготовленного из изгиба корня молодого дерева, хранится в фондах Гос. Эрмитажа (рис. 5). Его ручка оформлена в виде головы собаки с прижатыми ушами [Сокольский, 1971, с. 232, табл. XXXIV, 4; Яковенко, 1974, с. 68, рис. 27; Vulina, Waşowicz, 1974, p. 164, № 93, pl. CXXXV, d-e].

По трем сторонам от саркофага находились остовы трех коней. Об их количестве исследователь судил на основании обнаруженных здесь трёх комплектов железных

² Этот меч по каким-то причинам не учтён в сводке Н.И. Сокольского [Сокольский, 1954, с. 170-174].

удил грубой работы [ОАК, 1882-1888, с. VI]. К конским уборам он отнес также четыре бронзовые, посеребренные бляхи. Ноги одной лошади оказались перекрытыми досками саркофага, что позволило предположить, что кони были убиты в склепе около тела усопшего [Там же]. Правильнее, очевидно, считать, что кони были убиты до того, как в склеп был внесен саркофаг. Без сомнения, здесь были принесены немалые жертвы и совершены обильные возлияния – слой опилок, покрывавший пол, пропитался каким-то «жироватым красным осадком» [Там же, с. VII].

С боку от саркофага стояла остродонная амфора, найденная в обломках, разброшенных по склепу. Разбитую же была обнаружена стоявшая в углу прекрасная краснофигурная ваза (пелика), на которой изображена сцена жертвоприношения. Н.П. Кондаков посчитал, что изящный стиль этой вазы не гармонирует с найденными здесь грубыми изделиями из золота, что позволило ему высказать предположение о двух одновременных захоронениях в склепе. Ваза, по его мнению, принадлежала к первому, которое было потревожено или даже разрушено во время вторичного использования склепа [ОАК, 1882-1888, с. VII]. Это предположение, как представлялось исследователю, находило подтверждение в том, что в склепе были найдены три золотые бляшки (две с изображением горгонейона и одна в виде «мушки»), отличающиеся изящностью исполнения, а также четыре разбитых алабастра весьма хорошей работы. Они, по заключению Н.П. Кондакова, тоже принадлежали раннему погребению. Предположению об ограблении склепа, в общем, не противоречит бесспорный факт потревоженности праха погребенного – суставы пальцев и обломки черепа, как говорилось, были обнаружены в дромосе. Не удивительно, что точка зрения Н.П. Кондакова о двух одновременных погребениях кургана Баксы была поддержана некоторыми исследователями [Ростовцев, 1925, с. 394-395; Rostowzew, 1931, S. 348-349; Gajdukevič, 1971, S. 277; Shefton, 1982, p. 153-154]. Еще совсем недавно ее придерживался и автор этих строк [Виноградов, 2005, с. 249-250, 268; 2010б, с. 527-528].

Краснофигурную пелику, найденную в склепе, Н.П. Кондаков относил к концу IV или началу III вв. до н.э. и связывал с ранним захоронением [Ф. 1, 1882 г., д. 19, л. 22]. Второе погребение, по его мнению, было совершено на четыре или пять столетий позднее [Там же, л. 15]. Напомню, что он считал позднеантичным стиль исполнения фигурной ручки стиригиля, найденного в саркофаге.

Несмотря на явную неполноту погребального инвентаря, сохранившиеся предметы дают основание для одного в высшей степени важного заключения. С одной стороны, в саркофаге был обнаружен стригиль, т.е. предмет, необходимый для грека-палестрита. С другой, вместе со стригилем находился меч, украшенный грубыми золотыми накладками, а в склепе были убиты три коня, что связывает этот комплекс уже не с греческим, а с варварским миром. Смешанный греко-варварский характер погребения является одной из самых ярких и показательных его особенностей [Ростовцев, 1925, с. 394-395; Ольховский, 1991, с. 145; Виноградов, 2005, с. 249-250; Rostowzew, 1931, S. 349; Shefton, 1982, p. 154]. М.И. Ростовцев ставил Баксинский курган в один ряд с боспорскими памятниками, отличающимися наличием скифских

черт в погребальном обряде и инвентаре [Rostowzew, 1931, S. 334, 348-349], Н.В. Пятышева вообще посчитала его типично местным [Пятышева, 1949, с. 32].

Почти через 70 лет после раскопок Н.П. Кондакова курган у села Глазовки (Баксы) был осмотрен В.В. Веселовым. В юго-западной части перед склепом он обнаружил золотые бляшки: несколько небольших круглой формы с изображением двенадцатилепестковой розетки и одну более крупную, представляющую голову льва с раскрытой пастью [Веселов, 1959, с. 233, рис. 10, 1,2]³. Вслед за ним на кургане были проведены небольшие работы Боспорской экспедиции ЛОИА АН СССР во главе с В.Ф. Гайдукевичем. Археологи открыли здесь полуразрушенную и опустошенную плитовую гробницу, с которой они связали обнаруженные в юго-западной части кургана три золотые бляшки в форме розетки и две в виде львиной головы; все они вполне идентичны находкам, сделанным В.В. Веселовым. Кроме бляшек, были обнаружены обломки краснофигурной пелики первой половины IV в. до н.э. [Пругло, 1963, с. 72-73].

Золотые бляшки Баксинского кургана чрезвычайно интересны (рис. 6). Изучившая их В.И. Пругло (Денисова) пришла к заключению, что они относятся к рубежу V–IV вв. до н.э. или к первой половине IV в. до н.э. Исследовательница убедительно показала, что манера изображения львиной головы очень близка предметам персидского искусства эпохи Ахеменидов. Не удивительно, что она поставила эти бляшки в один ряд с другими находками из курганов причерноморских степей, персидское происхождение которых общепризнано: рукоятью меча из Чертомлыка, ритонном из Четвёртого Семибратнего кургана и др. В.И. Пругло предположила, что бляшки были изготовлены в одной из мастерских Пантикапея, где, очевидно, работали греко-персидские мастера [Пругло, 1963, с. 77-78]. С этой точкой зрения полностью согласился В.Ф. Гайдукевич [Gajdukevič, 1971, S. 141, Abb. 25], Б. Шефтон тоже не возражал против такой интерпретации, но датировал бляшки V в. до н.э. [Shefton, 1982, p. 154]⁴. Заключение о близости баксинских бляшек персидским образцам представляется в высшей степени значимым, если вспомнить обнаруженное в склепе украшение саркофага в виде крылатого солнечного диска, также входящее в круг ахеменидских древностей. В связи с этим необходимо отметить, что так называемый звериный стиль Прикубанья в V–IV вв. до н.э. демонстрирует усиление влияния Средней Азии, Казахстана, Алтая и особенно Ирана [Переводчикова, 1987, с. 50 сл.].

Курган у села Баксы, как видим, ставит перед исследователями большое количество весьма непростых вопросов:

1. Почему в саркофаге не обнаружено костных остатков погребённого и почему они были найдены в дромосе?

³ Не вполне понятно, о каком склепе писал В.В. Веселов, поскольку погребальное сооружение, обнаруженное Н.П. Кондаковым, должно находиться не в юго-западной, а в северо-западной части насыпи.

⁴ Эти предметы почему-то не привлекли внимания исследователей, изучавших ахеменидские вещи или подражания им, найденные в Северном Причерноморье [Трейстер, 2011, с. 113-121; Rehm, 2010, p. 161-194; Treister, 2010, p. 223-279].

2. Действительно ли в склепе было сделано два захоронения?
3. Зачем был разобран дромос?
4. Почему западная стена склепа была обложена грубой каменной кладкой?
5. Чем можно объяснить относительную бедность сделанных здесь находок?
6. С чем связана ахеменидская символика некоторых обнаруженных вещей?
7. Наконец, кто был погребён в этом кургане?

Однозначных и бесспорных ответов на все эти вопросы вряд ли можно ожидать. Однако, прежде всего, обратимся к хронологической атрибуции этого комплекса. Выше было сказано, что Н.П. Кондаков, посчитавший, что в склепе Баксинского кургана было сделано два захоронения, ранее относил к концу IV – началу III вв. до н.э., а позднее – на четыре–пять веков поздней. В наши дни такая хронологическая атрибуция представляется крайне маловероятной. Более того, внимательное рассмотрение имеющейся документации, несмотря на всю её запутанность [Ростовцев, 1925, с. 394-395; Rostowzew, 1931, S. 348-349], позволяет вообще усомниться в обоснованности точки зрения о двух захоронениях в кургане Баксы [Сокольский, 1969, с. 40]. Действительно, если кости, обнаруженные в дромосе, являются остатками раннего погребения, то где же находятся костные останки позднего? В склепе их не было! Разностильность вещей, на которой Н.П. Кондаков строил свое заключение, как известно, является характерной чертой, в особенности для греко-варварских погребальных комплексов Боспора и, в общем, не может быть надёжным основанием для вывода о двух одновременных захоронениях в склепе. В принципе, имеются веские основания полагать, что в Баксинском кургане было совершено всего одно погребение.

Для более адекватного представления о датировке кургана обратимся к вещевому материалу, происходящему из его насыпи, т.е. связанному с тризнами по усопшему, а затем – к находкам из самой погребальной камеры. В насыпи, как уже было сказано, были обнаружены обломки большого краснофигурного кратера (рис. 3). Они были всесторонне изучены Б. Шефтоном, который датировал сосуд концом V в. до н.э. или, может быть, чуть позднее [Shefton, 1982, p. 149; 1992, p. 248; см. также: Braund, 2009]. Основой орнаментальной композиции баксинского кратера, по определению Б. Шефтона, является изображение Геракла, восшедшего на Олимп. Такая символика изображений в погребальном контексте чрезвычайно значима. Она должна подчеркивать, что посмертная судьба погребенного в склепе является аналогичной судьбе величайшего героя Эллады, после смерти ставшего богом.

Кроме обломков кратера, в насыпи были найдены амфорные клейма. В собрании Отдела античной культуры Гос. Эрмитажа хранятся пять фасосских клейм, происходящих из Баксинского кургана [Бак. 9-13; Виноградов, 1972, с. 49, № 8]⁵. В.Ф. Гайдукевич датировал эти находки рубежом V–IV вв. до н.э. [Gajdukevič,

⁵ Выражаю благодарность сотруднику Гос. Эрмитажа А.М. Бутягину за предоставленную мне возможность ознакомиться с картотекой находок из кургана у села Баксы.

1971, S. 278], и он, как сейчас представляется, лишь незначительно их удревнил. И. Гарлан, специально изучавший клейма из Баксы, пришёл к заключению, что их следует датировать 380 г. до н.э. с отклонением в пять лет в одну или другую сторону [Garlan, 1992, p.250- 251]. На мой взгляд, он несколько омолодил нижнюю хронологическую грань этого комплекса.

Два клейма отсюда являются анэпиграфными (рис 4, 1–2), на них имеется изображение бородатой головы влево [Бак. 11, 13; Придик, 1917, с. 118. № 447-448]. Одно клеймо (рис. 4, 3) состоит из трёхстрочной надписи [Бак. 12; Придик, 1917, с. 55. № 433]; оно принадлежит магистрату Харону и, согласно хронологической разработке В.И. Каца, принадлежит группе В, т.е. датируется серединой 90-х – серединой 80-х гг. IV в. до н.э. [Кац, 2007, с. 414]. На двух экземплярах (рис. 4, 4–5), кроме надписи, имеется эмблема. На одном из них, принадлежащем магистрату Аристомену, представлен коленопреклонённый Геракл, стреляющий из лука [рис. 4, 5; Бак. 10; Придик, 1917, с. 39. № 77, илл. 76]; на другом, магистрата Герофона, – двуручный сосуд [рис. 4, 4; Бак. 9; Придик, 1917, с. 37. № 34, табл. III, 8]. Оба этих клейма, по классификации В.И. Каца, относятся к группе С и датируются серединой 80-х – серединой 70-х гг. IV в. до н.э. [Кац, 2007, с. 414]. Датировкам В.И. Каца, как представляется, вполне можно доверять. Как видим, все охарактеризованные материалы позволяют считать, что тризны на кургане были произведены в первой четверти IV в. до н.э.

Из всех находок, происходящих из склепа, хорошо датирована лишь краснофигурная пелика. Специальное изучение этого сосуда показывает, что он относится к концу V в. до н.э. [ARV², p. 1346, no 1; Schefold, 1934, S. 144, Abb. 70-71; Hooker, 1950, p. 35, no 4; Горбунова, Передольская, 1961, с. 107, рис. 52; Передольская, 1971, с. 54]. Главная сцена, изображенная на пелике, представляет Геракла, совершающего жертвоприношение. Выше было сказано об изображении Геракла на краснофигурном кратере, обломки которого были найдены в насыпи кургана. Такая переключка сюжетов представляется совсем не случайной. По мнению Д. Браунда, она объясняется не только глубокой верой боспорян в бессмертие Геракла, но и тем обстоятельством, что фигура этого героя является ключевой в греко-скифской культуре (Braund, 2009, p. 121).

Среди других вещей, обнаруженных в склепе, лишь саркофаг получил какую-то хронологическую атрибуцию. Он был датирован Н.И. Сокольским в пределах IV – начала III вв. до н.э. [Сокольский, 1969, с. 40, № 31]. Б. Шефтон полностью доверяет этой датировке и считает саркофаг чуть ли не единственным доказательством существования повторного погребения в склепе [Shefon, 1982, p. 154]. Заключение Н.И. Сокольского, однако, представляется несколько умозрительным, основанным на общих представлениях о датировке боспорских деревянных саркофагов. В принципе, этот саркофаг может относиться к началу IV в. до н.э. или даже еще более раннему времени.

Но когда же было совершено единственное погребение в кургане Баксы? М.И. Ростовцев датировал склеп первой половиной IV в. до н.э. [Ростовцев, 1925, с. 395].

М.П. Ваулина и А. Вонсович считали, что гробница относится к первой четверти этого столетия [Vaulina, Wąsowicz, 1974, p. 164]. Н.И. Сокольский датировал баксинский склеп в широких пределах IV в. до н.э. [Сокольский, 1971, с. 232; ср.: Савостина, 1986, с. 96]. Э.В. Яковенко относил его к концу V в. до н.э. [Яковенко, 1974, с. 68], основываясь на хронологической атрибуции краснофигурной пелики. Сравнительно недавно о хронологии Баксинского кургана высказался Д. Браунд; он, как и Э.В. Яковенко, считает, что погребение здесь было совершено около конца V в. до н.э., возможно, чуть ранее или чуть позднее [Braund, 2009, p. 117].

Приведенные выше хронологические разработки некоторых находок позволяют считать, что захоронение в склепе Баксинского кургана относится к самому началу IV в. до н.э., вероятнее всего, не позднее двух первых десятилетий столетия. Этой хронологической атрибуции соответствуют некоторые находки из насыпи кургана: краснофигурный кратер и фасосские клейма группы В (по В.И. Кацу). Клейма группы С несколько выходят за эту датировку, но, как говорилось выше, их следует связывать с тризнами, а такие церемонии, как представляется, могли производиться неоднократно даже через несколько лет после совершения захоронения. «Жженный точёк» с множеством разбитых амфор, который Н.П. Кондаков посчитал остатками тризны, был открыт в насыпи кургана в 1883 г. [ОАК, 1882-1888, с. XXX-XXXI], но о находках из этого «точка» нам ничего конкретного не известно.

К сожалению, ничто не дает ответа на вопросы, зачем был разобран дромос и когда была сделана обкладка западной стены склепа. Напомню, что именно эти особенности погребального комплекса рассматривались некоторыми исследователями как доказательство совершения здесь повторного захоронения. Ни в коем случае не претендуя на окончательность заключения, рискну высказать предположение, что склеп Баксинского кургана просто подвергся частичному разрушению и нуждался в ремонте. Очень может быть, что по каким-то причинам (ошибка строителей, сильное землетрясение или т.п.) дромос обвалился, тогда его кладку разобрали и камни сложили за стеной склепа, рассчитывая использовать их при будущем ремонте⁶. Такая ситуация, вероятно, требовала выноса из погребальной камеры тела усопшего, а также и части принадлежавших ему вещей, скорее всего, наиболее драгоценных. Для их временного размещения, по-видимому, было подготовлено специальное место. Не исключено, что во время выноса останков часть костей была утеряна в дромосе, то же самое, возможно, произошло с несколькими золотыми бляшками, обнаруженными во время исследований В.В. Веселова и В.Ф. Гайдукевича. Временные акции, как хорошо известно, порой имеют весьма значительную протяженность во времени. Не трудно представить, что вскоре после её совершения, необходимые силы и средства были отвлечены для сооружения но-

⁶ На Боспоре известны примеры деформации погребальных сооружений, связанные с сейсмическими факторами [см.: Винокуров, 2003]. А.А. Никонов находит признаки таких деформаций в склепе Царского кургана [Никонов, 2003]. По вопросу о воздействии сейсмоактивности на погребальные комплексы см. также: Бородовский, 2011.

вой величественной гробницы для совсем другой важной персоны, а о баксинском склепе попросту «забыли». В общем, несмотря на очевидный недостаток фактических данных, можно считать, что ремонт склепа не был завершён, и тело его «хозяина» так и не было возвращено на подобающее ему место.

Н.П. Кондаков полагал, что курган у села Баксы принадлежал некрополю одного из греческих городков, расположенных на берегу Керченского пролива около переправы, – Порфмию или Парфению [Ф. 1, 1882 г., д. 19, л. 20]. С этим мнением уважаемого исследователя очень трудно согласиться по той причине, что культура этих небогатых городков никак не соответствует погребению в кургане столь высокого ранга. Г.А. Цветаева, изучавшая курганный некрополь Пантикапея, о памятнике у села Баксы не сказала ни единого слова [Цветаева, 1957, с. 227-250], и в этом она была по-своему права, поскольку тот расположен достаточно далеко от столицы Боспора. Тем не менее, Баксинский курган, скорее всего, был связан именно с Пантикапеем, а точнее, с государством, которое стало формироваться вокруг него при ранних Спартокидах.

Курганы первой половины IV в. до н.э. вообще не очень богаты драгоценными предметами, во всяком случае они значительно скромней комплексов второй половины столетия. Однако имеющиеся находки из Баксинского кургана дают основания считать, что здесь был погребён совсем не знатный порфмиец, а представитель высшего слоя боспорской аристократии. М.И. Ростовцев отмечал, что, вероятнее всего, курган принадлежал кому-нибудь из самых высокопоставленных лиц Боспорского государства [Ростовцев, 1925, с. 395; Rostowzew, 1931, S. 349], Б. Шефтон, вторя ему, писал, что погребение в кургане Баксы, несомненно, принадлежит к самому высокому классу боспорской элиты [Shefton, 1982, p. 155]. С мнением этих исследователей следует согласиться. Более того, рассматриваемый памятник вполне можно считать царским.

О возможности выделения курганных погребений боспорских царей IV в. до н.э. специально говорилось выше [см. мою статью в этом издании]. Сейчас же следует обратить внимание, что хронологическая атрибуция погребения у села Баксы лучше всего может соответствовать боспорскому владыке Сатиру I, много сделавшему для расширения своих владений и умершему в 389/88 г. до н.э. [Vinogradov, 1993, S. 223]. На возможность такой интерпретации указывал Б. Шефтон, не исключавший, правда, что в кургане у села Баксы был погребен брат Сатира, Селевк, умерший в 393/92 г. до н.э. [Shefton, 1992, p. 249]. В принципе, вторая интерпретация тоже допустима, но с датировкой амфорных клейм из тризны все-таки больше согласуется первая.

Страбон, как хорошо известно, сообщает, что памятник Сатира был расположен на азиатской стороне Боспора (Strab. XI, 2, 7). Эту информацию, однако, не следует однозначно понимать как свидетельство о возведённом там погребальном сооружении; памятник вполне мог быть монументом, связанным с героизацией владыки Боспора [Завойкин, 2000, с. 59]. Его локализацию обычно связывают с вершиной горы Куку-Оба; Э. Зимон недавно высказала предположение, что с ним связаны

каменные рельефы, открытые на поселении Юбилейное I [Зимон, 1999, с. 303]. При таком понимании сообщения Страбона нетрудно представить, что с кораблей, входящих в пролив из Понта, сначала можно было видеть памятник Сатира (его военной победе?) справа по борту, а затем и курган Сатира, легко различимый слева по борту.

Выше обращалось внимание на некоторые особенности Баксинского кургана, которые можно признать единственными в своём роде, уникальными для Боспора. В их ряду следует отметить и два деревянных посоха, обнаруженных в саркофаге (рис. 5). Конечно, их можно рассматривать как принадлежность пожилого человека, испытывающего проблемы со здоровьем. Однако в погребальном комплексе столь высокого ранга эти предметы, как представляется, скорей, имели не бытовое, а символическое значение. У многих народов, как известно, посох рассматривался (да и до сих пор рассматривается, особенно в религиозной сфере) как важнейший вещественный символ власти [Соловьёва, 1996, с. 40; Щепанская, 1996, с. 72, 81; Смирнов, 2004]⁷. Из кургана, как уже было сказано, происходят два посоха, и этот факт заслуживает самого серьезного внимания. Если эти предметы трактовать как некие символы власти, то приходится признать ее дуалистичность. На Боспоре эта дуалистичность может рассматриваться как власть над двумя частями государства – европейской и азиатской. К тому же давно и хорошо известно, что боспорские владыки носили титул архонтов в отношении греческих городов и царей для варварских племен. Эпиграфические материалы позволяют говорить, что такая титулатура сложилась при Левконе I, т.е. в несколько более позднее время, чем погребение в Баксинском кургане, но некие предпосылки к тому, по всей видимости, проявились ранее, к рубежу V–IV вв. до н.э.

Совсем не случайными в связи с этим представляются обнаруженные рядом с курганом золотые бляшки, оформленные в ахеменидском стиле (рис. 6), при этом имеются в виду не только бляшки в виде львиных голов, но и в виде двенадцатилепестковых розеток, чрезвычайно популярных в искусстве Персии. Еще раз следует акцентировать внимание на украшении в виде крылатого солнечного диска на деревянном саркофаге. Если первые из названных предметов, в принципе, могут свидетельствовать о художественных вкусах отдельного человека, то второй – это уже символ, прочно вошедший в атрибутику власти персидских царей. В свое время М.И. Ростовцев в отношении власти Спартокидов писал, что «мы имеем слишком мало данных, чтобы выделить в боспорском архонте элементы ионийской городской тирании, эллинистической царской власти и предполагаемые элементы иранской монархии божьей милостью» [Ростовцев, 1913, с. 18]. Он также посетовал на то, что в научной литературе почти не обращается внимание на то, «в какой мере

⁷ А.М. Смирнов, посвятивший большое исследование древним посохам, считает, что они всегда рассматривались как сакральные символы, связанные с религиозными полномочиями его владельца, но не с политической властью [Смирнов, 2004]. Автор, конечно, во многом прав, но резко отделять власть сакральную и власть политическую в истории Древнего мира всё-таки вряд ли допустимо.

скифские цари раннего времени примыкают в своих инсигниях к персидским царям» [Ростовцев, 1916, с. 7]. Последний тезис выдающегося ученого, на мой взгляд, недооценен в современной научной литературе. Величайшая монархия Азии не могла не оказывать влияние на историческое развитие и Скифии, и Боспора (и других греческих государств региона!) уже одним фактом своего существования. Спартокиды, создававшие территориальное государство, как представляется, пытались в чем-то копировать Персидскую державу, использовать некоторые элементы ее обширного опыта в области государственного устройства.

В связи с этим напомним, что сын Сатира, Левкон I, сумел успешно продолжить дело отца, подчинить Феодосию и ряд варварских племен Прикубанья. При нём утвердилась пышная титулатура боспорских владык – «архонт Боспора и Феодосии, царь синдов, торетов, дандариев, псессов», «архонт Боспора и Феодосии, царь синдов и всех меотов» и т.п. [см.: КБН, 6, ба, 1038-1040]. Так возникло своеобразное по своей структуре греко-варварское Боспорское государство, в которое входили как некогда независимые греческие полисы района, так и варварские племена. Возникновение пышной титулатуры боспорских правителей, безусловно, представляет значительный научный интерес. Для объяснения этого явления вряд ли продуктивно искать какие-либо внутренние, специфически боспорские причины, правильнее будет объяснять его внешними влияниями. В связи с этим С.Р. Тохтасьев указывает, что единственным государством того времени, правители которого имели пышные титулы, содержавшие в своем составе название ядра государства с дальнейшим перечислением присоединённых к нему стран, была Персия [Тохтасьев, 2001, с. 163]. Есть все основания считать, что персидские цари использовали более древнюю месопотамскую традицию, но на Боспор она проникла, скорее всего, именно через Персию. Владыке государства, принявшему титулатуру персидского типа, могли импонировать и другие особенности персидской культуры, но это уже предмет специального научного исследования.

Однако, даже если это не так, и Персия не оказала особого влияния на, как когда-то говорилось, «политическую физиономию» Боспорского государства, у меня почти нет сомнения, что в Баксинском кургане погребен один из потомков Спартока I. Учитывая греко-варварский характер этого погребения, можно считать, что вопрос о варварском происхождении основателя этой династии представляется более, чем вероятным.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А.Ю.* Скифские цари и «царские» курганы V–IV вв. до н.э. // ВДИ. – № 3. – 1996.
- Алексеев А.Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. – СПб, 2003.
- Болтрик Ю.В., Фіалко О.Є.* Могили скіфських царів другої половини IV ст. до н.е. // Археологія. – № 2. – 1995.
- Бородовский А.П.* Следы древней сейсмоактивности на курганах эпохи раннего железа горной долины Нижней Катуни // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб–М.–Великий Новгород, 2011. С. 333-335.
- Веселов В.В.* Археологические разведки в восточной части Керченского полуострова // СА. – Т. XXIX–XXX. – 1959.

- Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. – СПб, 2005.
- Виноградов Ю.А.* Золотой курган (Алтын–Оба) // БИ. – Вып. XVII. Симферополь–Керчь, 2007.
- Виноградов Ю.А.* Цари Боспора и боспорские курганы IV в. до н.э. // Боспорские чтения. – Вып. X. – Керчь, 2009.
- Виноградов Ю.А.* Золотой курган (Алтын Оба) // Польш Дюбрюкс. Сборник сочинений. – Т. I. – СПб, 2010а.
- Виноградов Ю.А.* Курганный некрополь Пантикапея доримского времени // Польш Дюбрюкс. Сборник сочинений. – Т. I. – СПб, 2010б.
- Виноградов Ю.А.* Курган у села Баксы в Восточном Крыму // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. ММНК. – СПб, 2011а.
- Виноградов Ю.А.* Острый курган под Керчью (об одном забытом памятнике Боспора) // Боспорские чтения. – Т. XII. – Керчь, 2011б.
- Виноградов Ю.Г.* Керамические клейма острова Фасос // НЭ. – Т. 10. – М., 1972.
- Винокуров Н.И.* Сейсмические деформации каменных склепов Артезиана // Боспорские чтения. – VI. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2003.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. – М.-Л., 1949.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорские города. Уступчатые склепы. Эллинистическая усадьба. Илурат. – Л., 1981.
- Горбунова К.С., Передольская А.А.* Мастера греческих расписных ваз. – Л., 1961.
- Завойкин А.А.* Почему Диодор умолчал о кончине Селевка и воцарении Сатира, сына Спартока // Древнейшие государства Восточной Европы, 1996–1997. – М., 1999.
- Завойкин А.А.* 2000. Памятник Сатира I на Азиатском Боспоре (Strabo. XI. 2, 7) // ДБ. – Вып. 3. – М., 2000.
- Зимон Э.* Заключение // Таманский рельеф. Древнегреческая стела с изображением двух воинов из Северного Причерноморья. – М., 1999.
- История Древнего Востока.* От ранних государственных образований до древних империй. – М., 2004.
- Кац В.И.* 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). БИ. – Т. XVIII. – Симферополь–Керчь, 2007.
- Кузнецова Т.М.* Исторические персонажи и скифские курганы // Боспорский феномен: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. ММНК. – Ч. 2. – СПб, 2001.
- Луконин В.Г.* Древний и раннесредневековый Иран. Очерки истории и культуры. – М., 1987.
- Луркер М.* Египетский символизм. – М., 1998.
- Мозолевський Б.М.* Товста Могила. – Київ, 1979.
- Никонов А.А.* Нарушения и деформации в уступчатом склепе Царского кургана // Боспорские чтения. – VI. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2003.
- Ольховский В.С.* Скифские катакомбы в Северном Причерноморье // СА. – № 4. – 1977.
- Ольховский В.С.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). – М., 1991.
- Переводчикова Е.В.* Локальные черты скифского звериного стиля в Прикубанье // СА. – № 4. – 1987.
- Передольская А.А.* Кто же расписал пелику из Баксы? // Культура и искусство античного времени. – Л., 1971.
- Придик Е.М.* Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах эрмитажного собрания. – Петроград, 1917.
- Пругло В.И.* Золотые украшения звериного стиля из Баксинского кургана // Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного археологического музея 1961 года. – Одесса, 1963.
- Пятышева Н.В.* Таманский саркофаг. – М., 1949.
- Ростовцев М.И.* Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. – Вып. 49. – СПб, 1913.

- Ростовцев М.И.* Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. – Т. 25. – М., 1916.
- Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. – (Л.), 1925.
- Савостина Е.А.* Боспорские склепы (типология, эволюция, историческая интерпретация). Автореф. дисс. ... канд. историч. наук. – М., 1984.
- Савостина Е.А.* Типология и периодизация уступчатых склепов Боспора // СА. – № 2. – 1986.
- Смирнов А.М.* Изображения посохов на антропоморфных изваяниях эпохи энеолита в Северном Причерноморье и Средиземноморье. Аналогии, интерпретация // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. Памяти В.В. Волкова. – М., 2004.
- Сокольский Н.И.* Боспорские мечи // МИА. – № 33. – 1954.
- Сокольский Н.И.* Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. САИ. – Вып. Г1-17. – 1969.
- Сокольский Н.И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. – М., 1971.
- Соловьева О.А.* Символы, символические знаки и знаки власти // Символы и атрибуты власти. – СПб, 1996.
- Толстой И.И., Кондаков Н.П.* 1889. Русские древности в памятниках искусства. – Вып. I. Классические древности Южной России. – СПб, 1889.
- Трейстер М.Ю.* Ахеменидские «импорты» на Боспоре Киммерийском. Анализ и интерпретация // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. – СПб, 2011.
- Уильямс Д., Огден Д.* Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V–IV вв. до н.э. – СПб, 1995.
- Цветаева Г.А.* Курганный некрополь Пантикапея // МИА. – № 56. – 1957.
- Щепанская Т.Б.* Власть пришельца // Символы и атрибуты власти. – СПб, 1996.
- Яковенко Є.В.* Скiфи Схiдного Криму в V–III ст. до н.е. – Київ, 1974.
- Alekseev A.Yu.* Scythian Kings and “Royal” Burial-Mounds of the Fifth and Fourth Centuries BC // Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (sixth century BC – first century AD). – Exeter, 2005.
- Braund D.C.* The Baksy krater, Teutaros and Heraklion: Herakles and the Scythian bow in Graeco-Scythian art and culture(s) // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. ММНК. – СПб, 2009.
- Gajdukevič V.F.* Das Bosporanische Reich. – Berlin, 1971.
- Garlan Y.* Les timbres amphoriques thasiens trouvés à Baksi // Kotinos. Festschrift für Erika Simon. – Mainz/Rhein, 1992.
- Herzfeld E.E.* Iran in the Ancient East. – London, New York, 1941.
- Hooker E.* The Sanctuary and Altar of Chryse in Attic Red-Figure Vase-Painting // JHS. – Vol. LXX. – 1950.
- Minns E.H.* Scythians and Greeks. – Cambridge, 1913.
- Rehm E.* The Classification of Objects from the Black Sea Region Made or Influenced by the Achaemenids // Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers. Black Sea Studies. – 11. – Aarhus University Press, 2010.
- Rostovzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. – Oxford, 1922.
- Rostowzew M.* Scythien und der Bosphorus. – Berlin, 1931.
- Schefold K.* Untersuchungen zu den kertscher Vasen. – Berlin und Leipzig, 1934.
- Shefton B.* The krater from Baksy // The Eye of Greece. Studies in the Art of Athens. – Cambridge, 1982.
- Shefton B.* The Baksy Krater once more and some observations on the East Pedium of the Parthenon // Kotinos. Festschrift für Erika Simon. – Mainz/Rhein, 1992.
- Treister M.* ‘Achaemenid’ and ‘Achaemenid-inspired’ Goldware and Silverware, Jewellery and Arms and their Imitations to the North of the Achaemenid Empire // Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers. Black Sea Studies. – 11. – Aarhus University Press, 2010.

Vaulina M., Wąsowicz A. Bois grecs et romains de l'Ermitage. – Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1974.
Vinogradov Ju.G. Die Bosporianischen Herrscher // Rostowzew M. Scythien und der Bosphorus. – Band II. – Wiederentdeckte Kapitel und Verwandtes. – Stuttgart, 1993.

Ю.О. Виноградов

КУРГАН БІЛЯ СЕЛА БАКСИ У ПІВНІЧНОМУ КРИМУ

Резюме

В статті розглядаються матеріали розкопів великого кургану біля села Бакси (Глазівка) під Керчу. У 1882 р. Н.П. Кондаков виявив тут склеп з уступчастими перекриттями склепіння. У склепі, ймовірно, було скоєно всього одне поховання, яке відрізнялось греко-варварським характером обряду та інвентарю. Можна вважати, що тут було скоєно поховання представника вищого шару аристократії Боспору. Хронологічно цей археологічний комплекс більш за все відповідає Сатиру I (433/32 – 389/88 рр. до н.е.).

Ю.А. Виноградов

КУРГАН У СЕЛА БАКСЫ В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

Резюме

В статье рассматриваются материалы раскопок большого кургана около села Баксы (совр. Глазовка) под Керчью. В 1882 г. Н.П. Кондаков обнаружил здесь склеп с уступчатым перекрытием свода. В склепе, вероятнее всего, было совершено всего одно погребение, отличающееся греко-варварским характером обряда и инвентаря. Можно считать, что здесь было совершено захоронение представителя высшего слоя аристократии Боспора. Хронологически этот археологический комплекс больше всего соответствует Сатиру I (433/32 – 389/88 г. до н.э.).

Y.A. Vinogradov

A MOUND NEAR BAKSY VILLAGE IN THE EASTERN CRIMEA

Summary

The article discusses excavation materials around a large mound near Baksy village (now Glazovka) near Kerch. In 1882, Kondakov N.P. found a crypt with a ledged vault here. There must have been only one burial, typical for Greco- barbarous rite and inventory. We can assume that a representative of Bosphorus higher nobility was buried there. Chronologically, this archaeological site most closely matches Satire I (433/32 – 389/88 years BC).

Рис. 1. Курган у села Баксы после раскопок (Научный архив ИИМК РАН, р. I, 1882 и 1883 гг., д. 569, л. 6).

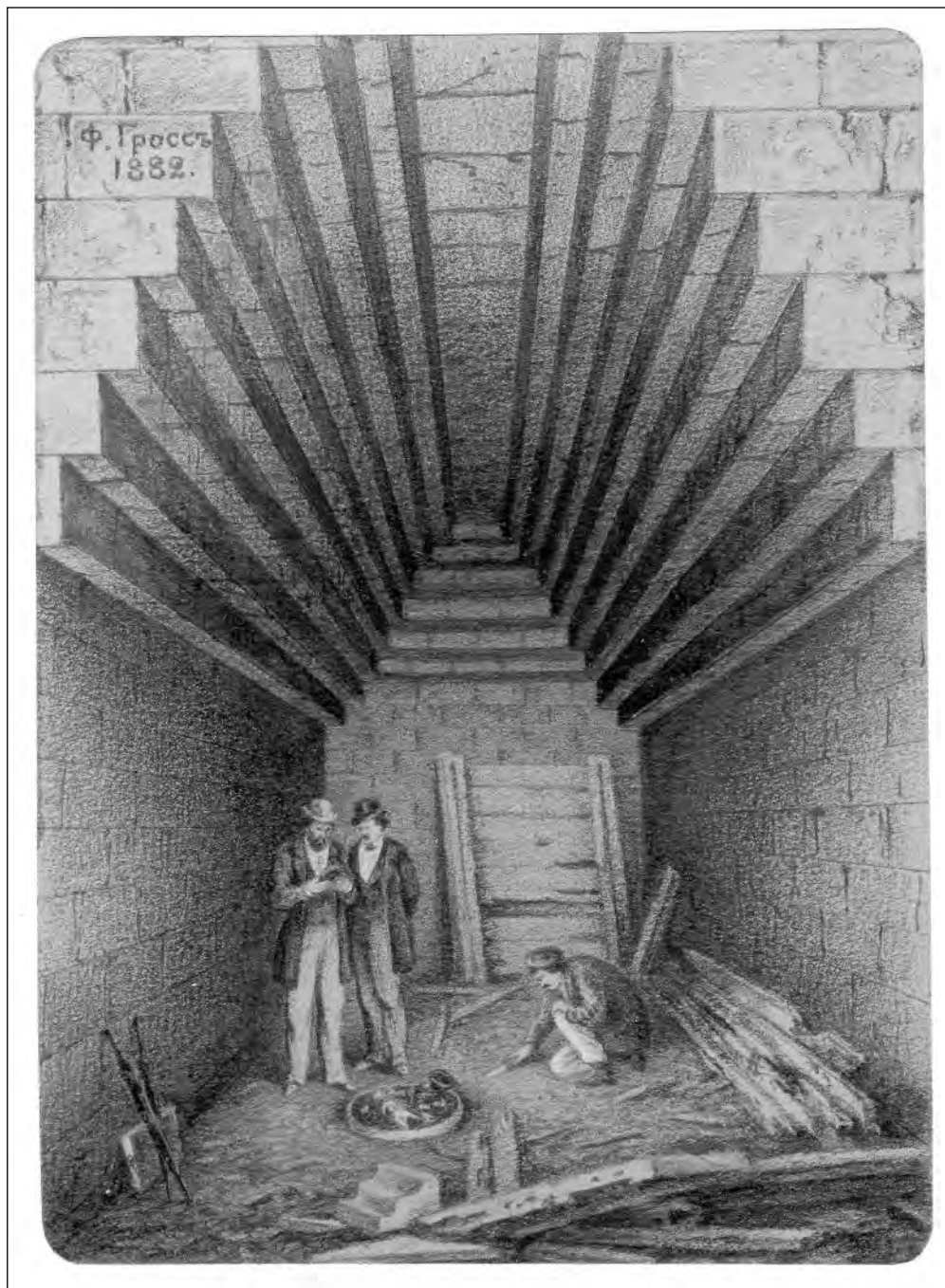

Рис. 2. Склеп Баксинского кургана (Научный архив ИИМК РАН, р. I, 1882 и 1883 гг., д. 569, л. 7).

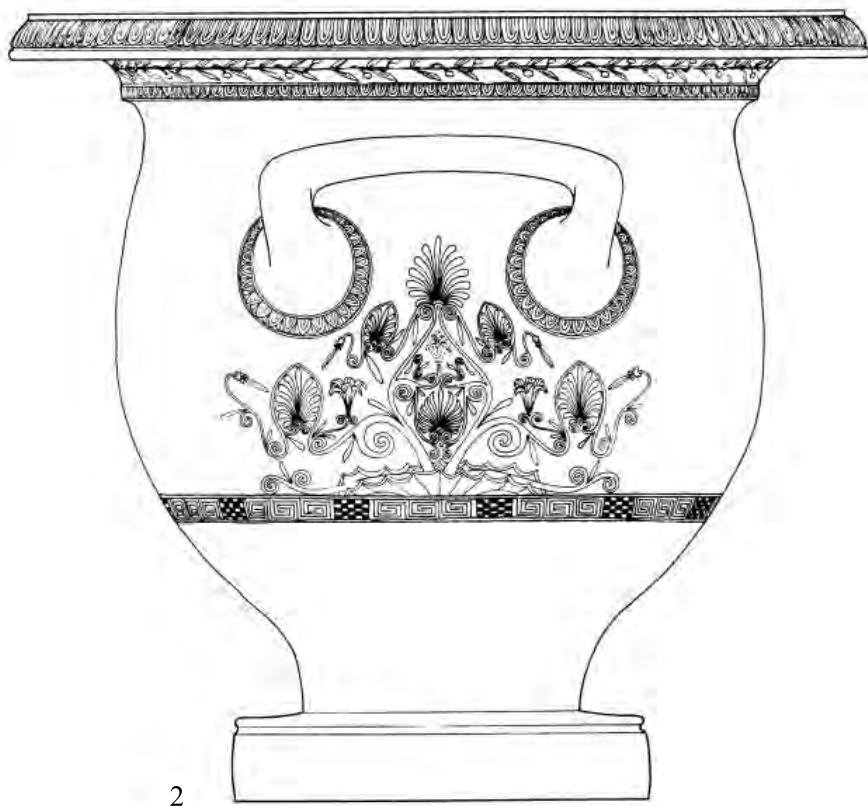

Рис. 3. Краснофигурный кратер из насыпи кургана (по: Shefton, 1982).

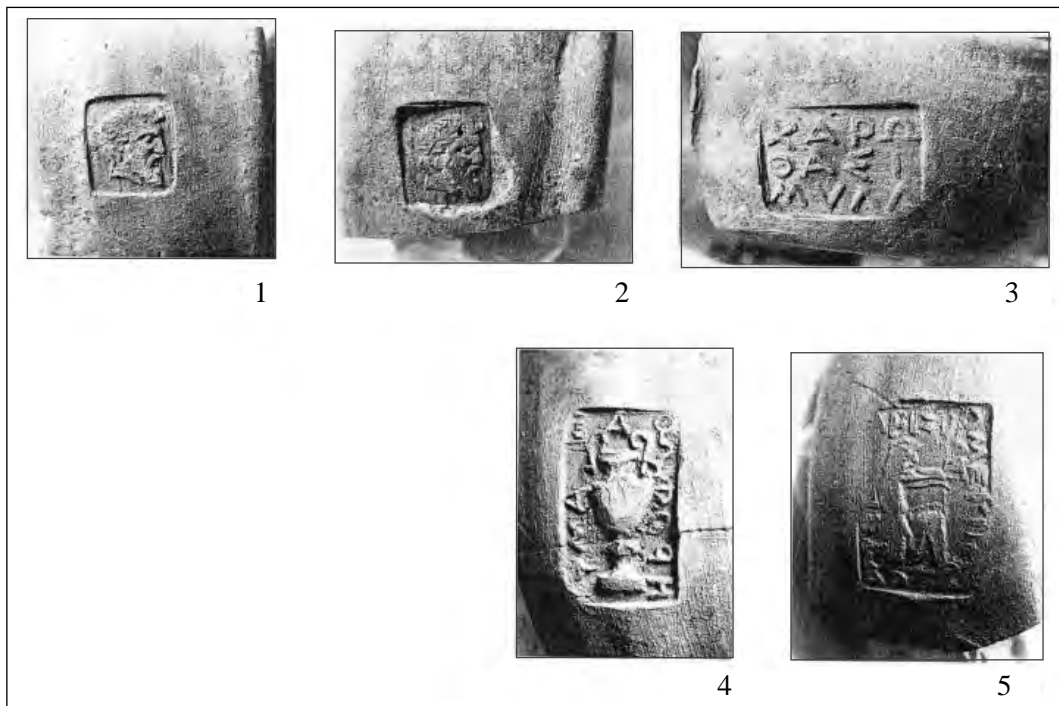

Рис. 4. Амфорные клейма из насыпи кургана (по: Shefton, 1982).

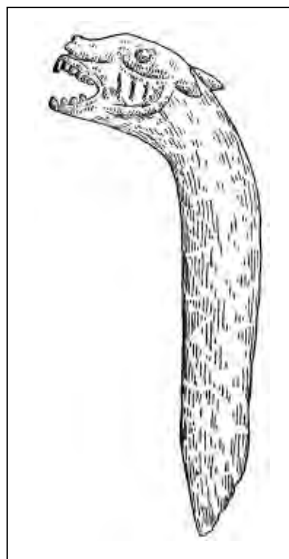

Рис. 5. Часть деревянного посоха (по: Э.В. Яковенко, 1974).

Рис. 6. Золотые бляшки с изображением львиных голов (по: Gajdukevič, 1971).